© 2021. О. Л. Фетисенко
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
г. Санкт-Петербург, Россия

«Аскетическая философия» К. Н. Леонтьева: тезаурус и контекст

Аннотация: Целостное и пристальное изучение публицистики, художественных произведений и писем К. Н. Леонтьева позволяет автору статьи показать, как формировались воззрения писателя, обозначенные им в конце жизни словами «моя аскетическая философия», в каком контексте существовал и как менялся его словарь. В работе отмечается писательский, философский и личностный интерес Леонтьева к вопросам жизни духа, динамика его взглядов, показывается, как в 1860-е гг. от эстетического интереса к Церкви и политической ее защиты на консульских постах Леонтьев приходит к жажде веры. Особое внимание автором уделяется идее и концепту послушания, которые связаны с леонтьевской идеей «трансцендентного эгоизма», сосредоточенности на личном спасении. За идеей послушания стоит у Леонтьева мысль о самопонижении. Писатель и мыслитель наглядно объясняет взаимобусловленность двух начал, «мира» и «монастыря», синонимом православной культуры становится для Леонтьева культура монастырская. Аскетические принципы дисциплины и «трезвения» Леонтьев старался вносить и в собственное художественное творчество, причем не только в содержание, но и в «исполнение», применяя на практике те правила, которые сформулировал позднее в своей знаменитой статье «Анализ, стиль и веяние».

Ключевые слова: К. Н. Леонтьев, русская литература, философия, христианская аскетика, послушание, мораль.

Информация об авторе: Ольга Леонидовна Фетисенко, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-002-5670-2656>

E-mail: betsy98@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 19.02.2021

Дата одобрения статьи рецензентами: 11.04.2021

Дата публикации статьи: 28.06.2021

Для цитирования: Фетисенко О. Л. «Аскетическая философия» К. Н. Леонтьева: тезаурус и контекст // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 2. С. 150–167. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-2-150-167>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 3, no. 2, 2021, pp. 150–167. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 3, no. 2, 2021, pp. 150–167. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2021. **Olga L. Fetisenko**
Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Konstantin Leontiev's "Ascetic Philosophy": Thesaurus and Context

Abstract: A holistic and close study of journalism, works of art and letters of K. N. Leontiev allows the author of the article to show the formation of the writer's views, designated by him at the end of his life with the words "my ascetic philosophy", the context they existed in and his vocabulary changes. The work discusses Leontiev's creative, philosophical and personal interest to the issues of life of the spirit, the dynamics of his views, it is shown, how in the 1860s Leontiev comes from an aesthetic interest in the Church and its political defense in consular posts to a thirst for faith. The author pays special attention to the idea and concept of obedience, which are associated with Leontiev's idea of "transcendental egoism", focusing on personal salvation. Behind the idea of obedience, Leontiev thinks about self-condemnation. The writer and thinker clearly explains the interdependence and interdependence of two principles, the "world" and the "monastery"; for Leontiev, monastery culture becomes a synonym for Orthodox culture. Leontiev tried to introduce ascetic principles of discipline and "sobriety" into his own artistic creation, and not only into content, but also into "performance", applying in practice the rules that he formulated later in his famous article *Analysis, Style and Trends*.

Keywords: Konstantin Leontiev, Russian literature, philosophy, Christian asceticism, obedience, morality.

Information about the author: Olga L. Fetisenko, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, nab. Makarova St. 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-002-5670-2656>

E-mail: betsy98@mail.ru

Received: February 19, 2021

Approved after reviewing: April 11, 2021

Published: June 28, 2021

For citation: Fetisenko, O. L. "Konstantin Leontiev's 'Ascetic Philosophy': Thesaurus and Context." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 3, no. 2, 2021, pp. 150–167. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-2-150-167>

В 2021 г. отмечается двойной юбилей писателя и мыслителя Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891), которого Л. Н. Толстой считал стоящим «головой выше всех русских философов» [Маковицкий: 352]. Но были ли воззрения Леонтьева системны? Можно ли говорить о созданном им философском направлении? Если считать, что в России вообще не было «философии» в европейском понимании этого слова, то, конечно же, нет. Если вписать Леонтьева в традицию «иррационализма», «антирационализма», «органической философии»¹, то некая упорядоченность возникнет. Но Леонтьев как был, по его выражению, «славянофилом на свой салтык» [Леонтьев 12, кн. 2: 72], так и далее подвергал рациональный ум в растерянность: на какую же «полку» его ставить². Однако в последнее десятилетие своей жизни Леонтьев все же *системен* и даже пытается создать что-то вроде своей философской школы с избранными учениками, кружком «гептастилистов»³. Шутливые термины «собственный умственный обиход» [Леонтьев 8, кн. 2: 23], «мое домашнее для собственного употребления *Богословие*» [Преимство от отцов: 276]⁴ скрывают четко продуманную систему взглядов. Леонтьев видит себя именно философом: «...а я ведь на “мудрость” немножко претендую...»; «...у меня *свое* учение...» [Преимство от отцов: 261, 282]. Это цитаты из огромного письма-трактата (от 19 января — 1 февраля 1891 г.), адресованного священнику Иосифу Фуделю, одному из учеников мыслителя. И само выражение «аскетическая философия», точно передающее суть леонтьевского мировоззрения, взято тоже из письма к О. А. Новиковой [Леонтьев 12, кн. 2: 522]. Сам способ мышления у Леонтьева именно философский, хотя он и говорил, что «картины жизни» ему милее «отвлеченных начал» [Леонтьев 8, кн. 2: 136].

¹ См., например: [Авдеева; Носов; Океанский].

² Там же.

³ См. посвященную этой теме монографию: [Фетисенко 2012].

⁴ Здесь и далее курсив в цитатах — авторский.

По этому поводу можно вспомнить еще одно его шутовское признание: Леонтьев, перефразируя Гоголя, говорит, что вместо писания статьи в газету, он лучше бы поразмыслил, «отчего слон не родится в скорлупе» [Леонтьев 12, кн. 2: 234].

Особый интерес у Леонтьева с юности вызывали науки о человеке — социальная психология, «физиологии обществ» [Леонтьев 2: 325], физиогномика, краниоскопия. Связующим звеном всех научных дисциплин он считал антропологию, задачей которой полагал необходимость «уловить соотношение формы с духовным содержанием» [Леонтьев 7, кн. 2: 307]. Интересом к изучению человека (и целых наций и культур) в их динамике был вызван задуманный в 1871 г. научный труд «Прогресс и развитие», разделившийся на несколько отдельных работ, самая известная из которых — «Византизм и Славянство». Это год духовного перелома Леонтьева, обращения в «личное Православие», последовавшего после чудесного исцеления от тяжелой болезни. Естественно, в то же время обновляются и его понятийный аппарат, и сам «словарь»¹.

Интерес к вопросам жизни духа у Леонтьева тройкий — писательский, философский и, с определенного времени, с прирастанием собственного опыта², еще и собственно человеческий. Леонтьев, конечно, не единственный русский писатель и мыслитель, задумавшийся о смысле подвижничества (аскетизма)³, но его особенность в том, что свои представления об аскезе он распространяет на *всё* вокруг — на государственную жизнь, культуру, просвещение, философию и т. д. (В подобном универсализме ему близок Вл. С. Соловьев). В небольшой статье трудно коснуться всего объема «аскетическо-философских» воззрений писателя, сосредоточимся на наиболее важных вопросах.

¹ Однако обновляется не настолько, чтобы совсем не узнать в нем Леонтьева, каким он был *до* обращения. Справедливо суждение Р. Гольдта: «...нельзя провести четкую грань между Леонтьевым-мыслителем до и после чудесного спасения <...>. Оно, правда, привело к перелому в его “жизнестроительстве” в смысле античной “заботы о себе”, но не в его мировоззрении. Болезнь лишь выплеснула на поверхность скрытые под страстями жизни залежи духовности» [Гольдт: 137].

² Ср. в указанной выше глубокой статье немецкого исследователя: «...леонтьевское употребление термина “Страх Божий” основано не на богословских соображениях, а на сугубо индивидуальном опыте» [Гольдт: 136].

³ См. об этом: [Котельников].

Одним из них является смысловое развитие отношения Леонтьева к понятию «мораль». Исследователи, говоря о раннем Леонтьеве, выбирают между терминами «аморализм» или «имморализм»¹. Н. А. Бердяев в предисловии к французскому изданию своей книги о Леонтьеве предложил, быть может, более точный термин: «псевдо-аморализм» [Berdiaeff: 8].

Вот автобиографическое признание в романе «Две избранницы»: «Хотя он <...> Церковь Православную и чтит, и любил, и защищать ее был готов <...>, но у него, как и у многих людей, была при этом своя личная моральная казуистика...» [Леонтьев 5: 78]. Подразумевается свой кодекс, круг понятий о том, что допустимо, а что нет (по эстетическому критерию, поэтому свои нравственные воззрения тех лет Леонтьев позднее называл «эстетическим деизмом» или «эстетическим морализмом»). Например, разврат недопустим, но «жорж-зандизм» [Леонтьев 6, кн. 1: 622], «*поэзия изящной безнравственности*» [12, кн. 1: 364] вполне приветствуется, были бы только верность красоте и честность перед собою. Ср. в романе «Египетский голубь»: «...в Бога я верил пламенно <...> Церковь Православную я чтит <...> но я любил ее больше русским и поэтическим чувством, чем духовным или нравственным. <...> всею моею нравственною жизнью тогда руководило не учение Православия и не заповеди Божии, а кодекс моей собственной гордости, система моей произвольной морали, иногда, быть может, и благородной, но нередко в высшей степени безнравственной» [Леонтьев 5: 294–295].

Доля «моральной казуистики» не оставит Леонтьева и после обращения. Сравним его различие безусловно необходимого смирения перед Церковью и необязательного смирения перед человеком, если это твой идейный противник [Леонтьев 6, кн. 1: 238].

Подобно некоторым своим героям, молодой Леонтьев — «безнравственный» и добрый. Его живет «чистое пламя любви и человечности» [Леонтьев 2: 15]. Его девиз: «Надо уметь быть счастливым!» [Леонтьев 5: 161]. «Я полюбил жизнь со всеми ее противоречиями, непримиримыми вовеки, и стал считать почти священнодействием мое страстное

¹ См., например: [Коковкина; Океанский; Репников]. «Поздний» или зрелый Леонтьев позволяет современной исследовательнице взглянуть на него как на «моралиста» и даже предложить термин «эсхатологическая этика Леонтьева» [Журавлева].

участие в этой живописной драме земного бытия...» [Леонтьев 5: 299]; «...я едва-едва стал выходить тогда из какого-то красивого, но неясного пантеистического тумана, в котором долго жил, безнравственно и весело...» [Леонтьев 8, кн. 1: 429]. Господствующее чувство в то время — самодовольство: «душевное *comme il faut*» [Леонтьев 2: 168]. Однако и суд над собой был ему не чужд, как и понимание духовной красоты «отречения». Об этом свидетельствует роман «Подлипки» (1861) и тема святого Мартиниана (тема отшельничества, бегства от мира) в романе «В своем краю» (опубл. в 1864).

В 1860-е гг. от эстетического интереса к Церкви и политической ее защиты на консульских постах Леонтьев приходит к жажде веры. «Если сильная вера в Церковь <...> усиливает любовь к ближнему, к Православной родине, к семье, то любовь к Церкви <...> рано или поздно — может привести к вере. Захочется жить и руководиться тем, что так нравится» [Леонтьев 8, кн. 1: 398]. Сравним со словами о главной героине романа «Подруги» (1889), которая желает верить и хочет, «чтобы ей *доказали*, что Христос есть Бог, что он тот самый Бог, от которого зависит ее счастье и несчастье, ее будущее, ее покой и ее радость...» [Леонтьев 5: 562]. Таким же путем и Леонтьев подошел к своему обращению.

Можно отметить еще одну деталь. Идея «послушания», которая, как мы увидим, станет доминирующей у позднего Леонтьева, *изначально* не противоречила его характеру. Он — послушный сын¹, он вносил «поэзию послушания» в свою службу: «...и в чиновничестве есть своя поэзия — но она должна состоять в порядке, в послушании и точности» [Леонтьев 5: 414]. Интересен чисто монашеский опыт послушания Леонтьева в быту (он часто спрашивает советов у друзей, проверяя свои решения) и даже — в конце жизни — послушания, оказываемого младшему по возрасту и положению. Стоит отметить и его шутивное, но истинно монастырское обращение к прислуге и воспитаннице Варе Прониной, приведенное в письме к о. И. Фуделю: «Варюша <...> благослови, кому мне прежде писать: Фуделю <...> или <...> Страхову <...> Разрешит-ко ты?» [Преемство от отцов: 262–263]. Самого себя Леонтьев любил называть «катехизатором» (и, в общем, имел основания, потому что нередко и бывал таковым — по благословению своего старца — Амвросия Оптинского).

¹ О его отношениях с матерью см.: [Фетисенко 2020].

Леонтьев, однако, не превратился в «моралиста» в расхожем понимании. Если он и употребляет слово «мораль», то исключительно в отрицательном контексте (борясь против «чистой морали», автономной от Бога). Его терминология — это «грех» и «добродетель», «внутреннее устройство» человека и т. д., т. е. терминология христианской антропологии и христианской аскетики. И здесь мы подходим к теме *контекста*, фактически совпадающего с кругом чтения Леонтьева, который был с 1871 г. чисто монашеским¹. Это Новый Завет, Псалтырь, пророческие книги Ветхого Завета и отцы-аскеты — Авва Дорофей, Иоанн Лествичник, Авва Исаак Сирий и другие (подчас такие редкие, как, например, Иоанн Карпафийский). Знал он и творения своего современника, «мыслящего аскета» [Леонтьев 8, кн. 1: 451] Феофана Затворника. В публицистике Леонтьева нередко ссылки на св. Иоанна Златоуста или Блаженного Августина. Догматическое богословие его интересовало значительно меньше². К области «контекста» «аскетической философии» Леонтьева следует отнести также устное предание, например, монашеские присловия, которые он любил употреблять («Бог и я...» — в значении: «думай не о чужих грехах, а о своих, о своем спасении»; «свят, да не искусен»; «У Бога путей много» и др.) [Леонтьев 8, кн. 1: 417, 429; 12, кн. 2: 51, 65, 360; Преемство от отцов: 279].

Насущной необходимостью в изучении Леонтьева является углубленное исследование его терминологии, часто нуждающейся в исторических экскурсах, в специальных пояснениях. Для этого нужно знать весь корпус его текстов, включая эпистолярный. Ведь часто специфические леонтьевские термины (как, например, «трансцендентный эгоизм»³) и бытовали только в письмах. Внимательного рассмотрения в *контексте* требует и термин «послушание».

Имя Леонтьева ассоциируется с идеями формы и дисциплины. Нужно непременно подчеркнуть: дисциплины свободной. «Эта дисциплина, этот страх не материальной природы; — это несокрушимая идеальная узда веры, любви и почтения» [Леонтьев 7, кн. 1: 140; «Афон-

¹ Это не означало полного отказа от чтения светской литературы, но было сродни установке «фильтров».

² Хотя он и проштудировал, например, известный академический учебник митрополита Макария (Булгакова).

³ См. об этом: [Гольдт].

ские письма» 1872¹]. Ср. в статье «Наше болгаробесие» (1879): «Я стал бояться, что мы не сумеем *вовремя* заменить давление Мусульманства другой, более высокой дисциплиной, — дисциплиной *духа*, заменить тяжесть жесткого ига суровым внутренним идеалом; унижительный и невольный страх агарянский свободным *страхом Божиим...*» [Леонтьев 7, кн. 1: 546]. Леонтьев исповедует не слепое подчинение «железному» закону государства (*механическое*), а осмысленное подчинение Церкви и старцу (*органическое*). И только «за послушание» Церкви совершается послушание и властям, «от Бога поставленным» [Леонтьев 7, кн. 1: 547].

Само слово «послушание» Леонтьев употребляет не так уж часто, в основном используя его синонимы и близкие понятия (понуждение, отречение, покорность, благоговение, «самоваяние», дисциплина; покаяние; «сердечное общение со старцами» [Леонтьев 8, кн. 1: 439]. Другое дело «послушание» в прикладном понимании («круг обязанностей»): монастырское послушание. Эти случаи встречаются чаще.

За идеей послушания стоит мысль о самопонуждении — свободном, совершаемом в любви и ради любви к Богу и ближним. Аскетическое понимание послушания — это распятие «своей воли», добровольное (хоть и бывающее очень тяжелым для человека) подчинение ее воле Божией, принесения ее в жертву (самоотвержение, самоотречение) и — как следствие, не всегда и не всеми достижимое — возрастание в любви; очищение в себе подобия Божия. «В самоотвержении души обретается любовь Божия», — говорится в 43-м слове Аввы Исаака Сирина [Исаак Сирин: 183]. Всё это исповедуется и Леонтьевым. Аскетизм он понимает как «*регулирование* наших чувств и действий во Имя Господне» [Леонтьев 8, кн. 1: 438]. Ничего нового Леонтьев в понимание христианского подвижничества не вносит (разве что он делает более сильный акцент на необходимости самопонуждения), но в секуляризованную эпоху подобная проповедь уже звучит новизной. Тут можно вспомнить приведенные Леонтьевым в письме к о. И. Фуделю слова Вл. Соловьева из неоконченной им статьи о Леонтьеве: «...нужно большое *бесстрашие*, чтобы в наше время говорить о *страхе* религиозном, а не об одной любви» [Преемство от отцов: 283].

¹ Первая редакция этого произведения утрачена, сокращенная вторая («Четыре письма с Афона») опубликована посмертно в 1912 г.

«Послушание» связано с леонтьевской идеей «трансцендентного эгоизма», сосредоточенности на *личном* спасении, что восходит еще к ветхозаветному «Внемли себе!» (Втор. 15: 9). Спасение за гробом *«покупается»* ценою отречения и послушания здесь, на земле. Эта образность сопоставима с известной беседой преп. Серафима Саровского с Н. А. Мотовиловым о стяжании Святого Духа, где используется евангельский образ «купли». Сравним в «Афонских письмах»: «В страхе христианском если и есть эгоизм, т. е. забота о загробном спасении души при *разочаровании во всем земном и непрочном*, то называть этого рода заботу эгоизмом <...> было бы уже слишком недобросовестной натяжкой! <...> благодаря этому воздушному, туманному, отдаленному и неосознательному эгоизму от скольких движений эгоизма грубого, *земного*, ежедневного освобождается хороший христианин!» [Леонтьев 7, кн. 1: 140]¹.

Христианство для Леонтьева — религия «свободных ограничений» [Леонтьев 7, кн. 1: 170], «ограничивающая» нас *«мистическая ортодоксия»* [Леонтьев 7, кн. 2: 9], несентиментальное [Леонтьев 6, кн. 1: 754] учение «воздержания и понуждения» [Леонтьев 6, кн. 1: 750]. Главный «враг» Леонтьева: идеал «рая на земле», идеал «всеобщего благоденствия», «эвдемонизм» как новая религия (религия прогресса и «всеобщей пользы» и довольства), вера «*во всеобщее земное благоденствие*, которое отныне должно составлять *конечную цель* человечества» [Леонтьев 7, кн. 1: 151], «самая холодная, прозаическая и вдобавок самая невероятная, неосновательная из всех религий» [Леонтьев 7, кн. 1: 332; «Византизм и Славянство»]. В 1880-е гг. он будет говорить еще и об «антрополатрии» и «автолатрии» [Леонтьев 8, кн. 1: 308]; «Это поклонение человеческой *личности*, этот новый род идолопоклонства...» [Леонтьев 7, кн. 2: 81]). Напомним о его борьбе с «розовым христианством» (оно же — «гуманитарное лже-христианство» [Леонтьев 8, кн. 1: 289]; сентиментальное учение «*неверующей любви*» [Леонтьев 8, кн. 1: 419]).

Будущие обличения «нашим новым христианам» просматриваются уже в «Афонских письмах»:

¹ Не исключено, что в позднейшем развитии этой идеи у Леонтьева присутствует скрытая полемика с О. Контом, противопоставлявшим, как известно, альтруизм христианскому «эгоизму».

Доброта, прощение, милосердие... Они взяли лишь одну сторону Евангельского учения и зовут ее *существенной стороной!* — Но *аскетизм* и суровость они забыли? — Но на гневных и строгих Божественных словах они не останавливались? <...> Нельзя, принимая *святость* Евангелия и Божественность Христа, отвергать одно место в книге и выбирать *по вкусу* другое. — Все мягкое, сладкое, приятное, облегчающее жизнь принимать, а все грозное, суровое и мучительное отвергать, как несущественное. <...>

Религия *всепрощения*; — да! — Но вместе с тем и религия самобичевания, покаяния, религия не только неумолимой строгости к себе, но и разумной строгости к другим [Леонтьев 7, кн. 1: 144–145].

В статье «Панславизм на Афоне» (1872, опубл. в 1873) Леонтьев отмечал: «Церковь <...> вполне последовательна, и уроков ее не надо забывать, если мы хотим быть в самом деле православными, а не какими-то воздушными, фантастически летающими и порхающими христианами, принимая французскую утилитарную гуманность и немецкий сентиментализм за истинное Христианство» [Леонтьев 7, кн. 1: 236]. В поздней статье Леонтьев приводит слова афонского старца Иеронима: «Одной мягкостью нравов Христианства заменить нельзя» [Леонтьев 8, кн. 1: 419].

Антитезой эвдемонизма выступает аскетизм, исповедающий: «...ничего на земле; ничего для земли» [Леонтьев 7, кн. 1: 153]. Этого идеала придерживалась Византия, к которой и обращается Леонтьев, делая «византизм» своим знаменем. Византия для него — это прежде всего именно аскетическая культура [Леонтьев 7, кн. 1: 171]¹. «В нравственном мире <...> византийский идеал не имеет того высокого и во многих случаях крайне преувеличенного понятия о земной личности человеческой <...> Византизм (как и вообще Христианство) отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов <...> он есть сильнейшая антитеза идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства» [Леонтьев 7, кн. 1: 300].

«Православие Византийское <...>, — разъяснял Леонтьев, — имеет в себе <...> две стороны: для государственной общественности и для семейной жизни — оно есть религия *дисциплины*. — Для внутренней

¹ Ср.: «Церковное же чувство и покорность властям (византийская выправка)...» [Леонтьев 7, кн. 1: 324].

жизни нашего сердца — оно есть религия *разочарования*, религия без-надежности на что бы то ни было земное» [Леонтьев 7, кн. 1: 173]. «Православие или, другими словами, культура Византийской дисциплины и земного аскетизма есть единственный противовес теории всеобщего, мелкого удовольствия...» [Леонтьев 7, кн. 1: 174].

Синонимом православной культуры становится для Леонтьева культура монастырская. «Когда я говорю Православие, я говорю духовенство; когда я говорю духовенство, я подразумеваю монастыри...» [Леонтьев 7, кн. 1: 538]. По его мысли, «вопрос о монашестве есть один самых важных в наше время смут и растерянности...» [Леонтьев 7, кн. 2: 209]. «Время наше, наш сложный, спешный образ жизни в мирском обществе мало благоприятствует сосредоточению мыслей на духовных вопросах, и с этой-то стороны монастыри и полезны, как такие центры, в которых это собирание мыслей воедино и поднятие их до нужной высоты и бесплотности достигается несравненно легче, чем в миру» [Леонтьев 8, кн. 1: 418].

В «Афонских письмах», ориентируясь на известные слова преп. Иоанна Лествичника «Свет мирянам иноки, свет инокам ангелы»¹, Леонтьев показывает низводящую свет *лествицу*: подвижники (аскеты) — монахи — миряне: «Аскет нужен, как путеводная звезда, как *крайнее* выражение православного отречения <...> Аскет нужен мирянам и Церкви; монастырь нужен аскету <...>. Монастырь нужен и мирянину, как посредствующее звено между городской роскошью и сырой пещерой пустытника» [Леонтьев 7, кн. 1: 157]. «Монах нейдет на проповедь, правда; — но <...> несколько недель или месяцев жизни при хорошем благочинном монастыре поучает лучше всякой навязчивой проповеди на миру. <...> Хорошо организованная обитель есть уже своего рода пропаганда не словом, а делом самим. — Монашество есть, положим, *крайнее* выражение Христианства. — Но сила крайности подразумевает неизбежно, *органически*, так сказать, и прочность чего-то среднего, однородного с ним; но не крайнего, *за сим* стоящего в порядке развития» [Леонтьев 7, кн. 1: 163].

Леонтьев наглядно объясняет *взаимозависимость и взаимообусловленность* двух начал, «мира» и «монастыря»: слабый, не по-христиан-

¹ Ср. в «оптинском» переводе: «Свет монахов суть Ангелы, а свет для всех человеков — монашеское житие; и потому да подвизаются иноки быть благим примером во всем...» [Иоанн Лествичник: 181].

ски живущий мир может дать только слабое, «недостойное» собственного звания монашество¹, крепкое «честное» монашество (особенно в своем венце — великих аскетах) влияет на Церковь, а через нее и на мир, укрепляя их и преображая. «Иначе, какое же бы могло иметь значение монашество, если б оно не исходило, как высший плод, из того же христианского общества и если бы, с другой стороны, посредством своих молитв, своего примера и своего руководящего влияния, оно на этот внешний христианский мир не влияло?» [Леонтьев 6, кн. 1: 286–287].

«Состояние монастырей» Леонтьев считал одним «из лучших мерил религиозной жизни в исповеданиях, где <...> есть учреждение монашества» [Леонтьев 7, кн. 1: 483]. Он верил, что монашество могут возродить образованные молодые дворяне. Радостные надежды испытывал он в 1890 г., когда писал, по благословению старца, статью «Добрые вести» (парафраз слова «Евангелие», Благая весть). В этой статье не только рассказано о конкретных событиях (монашеских постригах и священнических хиротониях нескольких молодых дворян), сулящих духовное обновление, но затронуты и общие вопросы, в частности о том, что аскетические упражнения и подвижничество доступны и мирянам.

Послушание для Леонтьева — основа, способ существования во всех областях жизни. Прежде всего, в семье. «Строгий, религиозный, нравственный брак есть лишь смягченное монашество; — иночество вдвоем или с детьми-учениками» [Леонтьев 7, кн. 1: 163]².

И опять обнаруживается взаимозависимость: «Для семьи нужна Церковь, для Церкви *Православной* необходимы примеры крайнего аскетизма; — для аскетизма нужны монастыри...» [Леонтьев 7, кн. 1: 165]. «Без монастырей, без этих *скопий*, так сказать, *крайнего отречения*, пали бы последние основы для поддержки того *среднего отречения*, которое необходимо для хорошей семьи...» [Леонтьев 7, кн. 1: 166].

¹ Ср. в статье «Панславизм на Афоне»: «...большинство монашества всегда было и не может не быть лишь *колеблющимся и нетвердым резервом высшего подвижничества*. Без нерешительной толпы невозможны герои аскетизма...» [Леонтьев 7, кн. 1: 231].

² Ср.: «Монах, в сущности, все тот же православный христианин, как и не монах, только поставленный в особые благоприятные для строгой жизни условия; и мирянин верующий, в сущности, все тот же аскет, только с большею свободой» [Леонтьев 6, кн. 1: 286].

В статье «Добрые вести» Леонтьев писал: «Монашество <...> есть *высший идеал* Христианства. Если есть довольно много умов и сердец, ищущих идеала высшего, то непременно будет в обществе еще несравненно больше таких характеров, которые удовлетворятся средним идеалом — идеалом Христианства семейного и в этой средней сфере будут достигать *своего рода наивысшего* совершенства и достоинства. Охлаждение к идеалу высшему, отвращение к его крайностям влечет за собою очень скоро глубокий упадок и того среднего состояния, которое сначала большинству казалось достаточным» [Леонтьев 8, кн. 1: 437–438].

«Идеал высшего отречения, раз усвоенный и разумом, и сердцем, непременно отразится <...> на личных житейских вкусах, на государственных вкусах, на семейных правилах. Монашество уже тем полезно для мирян, желающих утвердиться в Христианстве, что оно учит прежде всего *себе внимать, о своем загробном спасении заботиться*, а “все остальное приложится”. И как бы мы дурны ни были <...> мы при подобном к *себе внимании*, при боязни согрешить, при памяти о Страшном Суде Христовом, станем все-таки и по отношению к другим людям хоть сколько-нибудь справедливее и добрее» [Леонтьев 8, кн. 1: 417].

Аскетическая проповедь звучит даже в рассуждении Леонтьева о закрытых женских учебных заведениях: «Не этика для этики, не гордый долг для долга, столь часто сомнительный в основах своих <...> но смиренная заповедь “страха Божия” должны быть положены в основы женского воспитания; — если мы хотим утвердить семью будущего на прочных основаниях. <...> Личный идеал обманывает, идеал обще-церковный обмануть не может, ибо он вовсе не радостный, а суровый» [Леонтьев 6, кн. 2: 50–51]; «...*то ли время теперь*, чтобы бояться крайностей — мистического, религиозного аскетизма! <...> Всякий знает, что надо жарче топить печь, когда на дворе мороз...» [Леонтьев 6, кн. 2: 52–53].

Нанизывая эти «четки» цитат из текстов Леонтьева разного времени, нельзя не вспомнить и первую его передовую статью в газете «Варшавский дневник» (от 9 января 1880 г.): «Хотя вечного на земле нет ничего, но существуют явления, сравнительно очень прочные. *Прочно же у людей именно то, что по существу своему противоречит демократической свободе и тому индивидуализму, который она обуславливает. Смесь страха и любви* — вот чем должны жить человеческие

общества, если они жить хотят... Смесь любви и страха в сердцах...; священный ужас перед известными идеальными *пределами*; любящий страх перед некоторыми *лицами*; чувство искреннее, а не притворное только для *политики*; благоговение при виде даже одном иных *вещественных предметов*, при виде иконы, храма, утвари церковной... Вот что созидает нации, вот что их единит, ведет к победам, славе и могуществу, *вот что задерживает их падение надолго даже и тогда, когда падение это вследствие развития демократического индивидуализма становится неотвратимым* в более и менее далеком будущем...» [Леонтьев 7, кн. 2: 10–11].

Идея послушания была осуществлена Леонтьевым в его собственной жизни. В сорокалетнем возрасте он сломил себя, именно «принял послушание» после обета, данного у иконы Божией Матери в час смертельной болезни. Это не было внезапным решением. Известно, что еще за год-два до «обращения» Леонтьев подумывал о монашестве. С 1871 г. (с отъезда на Афон, где он обрел «...великую святыню *личного, сердечного* Православия» [Леонтьев 7, кн. 1: 205]) Константин Николаевич не оставался без старца. «...старцы Руссика выучили меня послушанию, посту и молитве <...> раскрыли мне истинный дух Церкви...» [Леонтьев 6, кн. 1: 232; «Моя исповедь», 1878].

Леонтьев — это единственный в русской культуре пример писателя, живущего в послушании старцам. Е. Л. Шифферс (1934–1997) удачно назвал его: «Пушкин, принявший монашество» [Шифферс: 498; «Беседа о храме»]¹. Стоит обратить внимание на то, что все его духовники или уже прославлены во святых или почитаются как великие подвижники Православной Церкви: Иероним (Соломенцев), Макарий (Сушкин), преподобные Амвросий Оптинский, Анатолий Оптинский, Варнава Гефсиманский. Канонизирован и архимандрит Пимен (Мясников), настоятель Николо-Угрешского монастыря, из послушников которого Леонтьев «сбежал» в 1875 г. Настоящим подвижником был и духовный друг Леонтьева, оптинский иеромонах Климент (Зедергольм), в память

¹ Ср. в другой работе того же мыслителя («Аргүшти: О поведении царей»): «Розанов сравнивал Леонтьева с Достоевским и Толстым, — вернее увидеть в нем силу Пушкина. — Вот как бы Пушкин встретился со старцем Серафимом и, радостно обретя красоту своего Пимена во плоти, склонился перед ним, — это Леонтьев перед старцем Амвросием. Да: Пушкин, ставший монахом, — таково измерение Константина Николаевича Леонтьева, настоящего русского» [Шифферс: 140]

о котором и Константину Николаевичу при постриге 18 августа 1891 г. было дано имя Климент.

Леонтьев знал, что говорил, когда заметил в не изданном при жизни послесловии к запискам своей матери: «...молитва и вольная покорность духовным руководителям совершают в нас великие и неожиданные для нас самих внутренние чудеса» [Леонтьев 6, кн. 2: 51]. И это было испытано и получено именно в монастыре, а не «около церковных стен». «Монастырям нашим я столько обязан, я в них нашел столько хорошего, столько *настоящего* христианского *понимания*, столько русского чувства, столько поэзии...» [Леонтьев 8, кн. 1: 23]. Заслуженным было замеченное друзьями счастье, испытанное Леонтьевым в последние месяцы жизни — после принятия монашества.

Что же извлекается для *сегодняшнего* дня из той части леонтьевской «аскетической философии», которая посвящена вопросу о послушании? Прежде всего, это приоритет внимания к спасению собственной души, именно к внутренней жизни человека, четкость критериев, «дисциплина духа», принцип добровольности и свободы.

Аскетические принципы дисциплины и «трезвения» Леонтьев старался вносить и в собственное художественное творчество, причем не только в содержание, но и в «исполнение», применяя на практике те правила, которые сформулировал позднее в своей знаменитой статье «Анализ, стиль и веяние». Стоит вспомнить здесь его рецепт «умственных фильтров», через которые он советовал «процедить» творения Л. Толстого: «1) Упростить <...> язык <...> сделать его больше похожим на язык пушкинской прозы <...>. 2) Уничтожить вообще излишние подглядывания в душу действующих лиц. 3) Выбросить <...> все те выражения, обороты речи и эпитеты, которые слишком в духе после-пушкинской школы...» [Леонтьев 9: 363].

Некую проекцию в возможное будущее представляет собой фрагмент из письма к Леонтьеву о. Иосифа Фуделя от 20 февраля 1891 г.: «Когда все образованные люди станут ездить в Оптину, когда духовенство получит руководящую роль, когда общество не будет смотреть на Церковь издали, а будет жить *в ней*, тогда на *этой* почве получатся новые культурные всходы, точно также, как в Средние века католичество было *основой* культурного своеобразия Зап<адной> Европы. Тогда и быт наш изменится, и науки получают новый толчок в известную сторону (Ваши проповедуемый пессимизм в науке), и искусство будет иметь

почву (религиозный характер музыки, развитие церк<овных> песнопений, новые виды Богослужений, новые темы для живописи, новые темы для романов, трагедий и т. д.). Строй жизни тогда может принять оригинальный характер (монашество — как новое сословие, проповедуемое Церковью *послушание* и смирение, как основы сословной организации, ею же проповедуемая *любовь*, как основа отношений между сословиями и т. д.). Благоденствия, желаемого В. Соловьевым, *не будет*, но оригинальный, своеобразный строй жизни, желаемый Вами, *будет*» [Преемство от отцов: 292–293].

Список литературы

Источники

Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. [19 кн.] / подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2000–2021.

[Маковицкий Д. Н.] У Толстого, 1904–1910. «Яснополянские записки» Д. Н. Маковицкого. Кн. 1: 1904–1905 // Литературное наследство. Т. 90: в 4 кн. М.: Наука, 1979. Кн. 1.

«Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2012. 751 с.

Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской Горы, Лествица, в русском переводе. 7-е изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни. Сергиев Посад, 1908. 274 с.

Творения Аввы Исаака Сирина. Сергиев Посад, 1911. 435 с.

Шифферс Е. Религиозно-философские произведения. Памятник. Лама: О наречении патриарха. Работы разных лет / сост. и общ. ред. В. Р. Рокитянского; вступ. ст. О. И. Генисаретского. М.: Русский ин-т, 2005. 608 с.

Berdiaeff N. Introduction a l'édition française // Berdiaeff N. Constantin Leontieff. Un penseur religieux russe du dix-neuvième siècle / trad. d'H. Izwolski. Paris, 1937. P. 7–10.

Исследования

Авдеева Л. Р. К. Н. Леонтьев. Пророк или «одиноким мыслитель»? М.: Российское гуманитарное общество, 2012. 158 с.

Гольдт Р. Аскетизм как трансцендентальная форма заботы о себе у К. Н. Леонтьева // Изобилие и аскеза в русской литературе: Столкновения, переходы, сопадения: сб. статей / под ред. Й. Херльта и К. Цендера. М.: НЛО, 2020. С. 122–145.

Журавлева А. В. Особенности эсхатологической этики К. Н. Леонтьева URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2017_11_13.pdf (дата обращения: 13.02.2021).

Журавлева А. В. «Эстетический аморализм» К. Н. Леонтьева: pro et contra // Известия Тульского гос. университета. Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 133–140.

Коковкина А. А. Об «эстетическом аморализме» Константина Леонтьева // Духовная деятельность и ее формы: сб. науч. ст. Хабаровск, 1999. С. 14–18.

Котельников В. А. Православные подвижники и русская литература. На пути к Оптиной. М.: Прогресс-Плеяда, 2002. 384 с.

Носов С. Н. Антирационализм в русской литературе второй половины XIX — нач. XX (Ап. Григорьев, Конст. Леонтьев, Вл. Соловьев, В. Розанов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1998. 43 с.

Океанский В. П. Христианское осмысление сущности государства в традиции русского православного органицизма: Хомяков — Леонтьев — Солоневич // Традиции в контексте русской культуры. Череповец: Череповецкий гос. пед. ин-т, 1995. С. 135–139.

Ренников А. В. «Эстетический аморализм» в произведениях К. Н. Леонтьева. М.: [б. и.], 1999. 39 с.

Фетисенко О. Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2012. 784 с.

Фетисенко О. Л. Материнское русло «реки времен» Константина Леонтьева // Константин Леонтьев: Семейный архив: Документальные повести, воспоминания и дневниковые записи Ф. П. Леонтьевой. Письма. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2020. С. 5–36.

References

Avdeeva, L. R. K. N. *Leont'ev. Prorok ili "odinokii myslitel'"*? [K. N. Leontiev. Prophet or "Lonely Thinker"?] Moscow, Rossiiskoe gumanitarnoe obshchestvo Publ., 2012. 158 p. (In Russ.)

Gołd't, R. "Asketizm kak transtsendental'naia forma zaboty o sebe u K. N. Leont'eva" ["Asceticism as a Transcendental Form of Self-care in K. N. Leontiev's Works"]. Herlt, J. and K. Zehnder, editors. *Izobilie i askeza v russkoi literature: Stolknoveniia, perekhody, sovpadeniia: sb. statei* [Abundance and Asceticism in Russian Literature: Collisions, Transitions, Coincidences: Collection of Articles]. Moscow, NLO Publ., 2020, pp. 122–145. (In Russ.)

Zhuravleva, A. V. *Osobennosti eskhatologicheskoi etiki K. N. Leont'eva* [Peculiarities of K. N. Leontiev's Eschatological Ethics]. Available at: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2017_11_13.pdf (Accessed 13 February 2021). (In Russ.)

Zhuravleva, A. V. "Esteticheskii amoralizm' K. N. Leont'eva: pro et contra" ["'Aesthetic Immoralism' by K. N. Leontiev: Pro et Contra"]. *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, no. 3, 2017, pp. 133–140. (In Russ.)

Kokovkina, A. A. "Ob 'esteticheskom amoralizme' Konstantina Leont'eva" ["On the 'Aesthetic Immoralism' of Konstantin Leontiev"]. *Dukhovnaia deiatel'nost' i ee formy* [Spiritual Activity and Its Forms]. Khabarovsk, 1999, pp. 14–18. (In Russ.)

Kotel'nikov, V. A. *Pravoslavnye podvizhniki i russkaia literatura. Na puti k Optinoi* [Orthodox Ascetics and Russian Literature. On the Way to Optina Monastery]. Moscow, Progress-Pleiaida Publ., 2002. 384 p. (In Russ.)

Nosov, S. N. *Antiratsionalizm v russkoi literature vtoroi poloviny XIX — nach. XX* (Ap. Grigor'ev, Konst. Leont'ev, Vl. Solov'ev, V. Rozanov): avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk [Anti-rationalism in Russian Literature of the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries (Ap. Grigoriev, Konst. Leontiev, Vl. Soloviev, V. Rozanov): DSc thesis]. St. Petersburg, 1998. 43 p. (In Russ.)

Okeanskii, V. P. "Khristianskoe osmyslenie sushchnosti gosudarstva v traditsii russkogo pravoslavnogo organitsizma: Khomiakov — Leont'ev — Solonevich" ["Christian Comprehension of the State Essence in the Tradition of Russian Orthodox Organicism: Khomyakov — Leontiev — Solonevich"]. *Traditsii v kontekste russkoi kul'tury* [Traditions in the Context of Russian Culture]. Cherepovets, Cherepovetskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut Publ., 1995, pp. 135–139. (In Russ.)

Repnikov, A. V. "Esteticheskii amoralizm" v proizvedeniiakh K. N. Leont'eva ["Aesthetic Immoralism" in K. N. Leontiev's Works]. Moscow, 1999. 39 p. (In Russ.)

Fetisenko, O. L. "Geptastilisty": Konstantin Leont'ev, ego sobesedniki i ucheniki ["Heptastilists": Konstantin Leontiev, His Interlocutors and Students]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2012. 784 p. (In Russ.)

Fetisenko, O. L. "Materinskoe ruslo 'reki vremen' Konstantina Leont'eva" ["Maternal Channel of Konstantin Leontyev's 'River of Times.'"]. *Konstantin Leont'ev: Semeinyi arkhiv: Dokumental'nye povesti, vospominaniia i dnevnikovye zapisi F. P. Leont'evoi. Pis'ma* [Konstantin Leontiev: Family Archive: Documentary Stories, Memoirs and Diary Entries of F. P. Leontyeva. Letters]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2020. pp. 5–36. (In Russ.)